

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 602-609.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.602
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Era of Alexander I: the First Philosophical Crystallization – Factors of Folding the Community of Russian Intellectuals

Vladimir I. Krasikov ^{a, *}, Dmitry A. Grigoriev ^a, Alexander D. Spirin ^a, Vladimir G. Chernyakin ^a

^a All-Russian State University of Justice, Russian Federation

Abstract

The authors discuss the factors and forms of the formation of the intellectual community people inclined to philosophical reflections and having a common space of intellectual attention in Russia in the early 19th century.

We use memorial evidence and conceptual insights of philosophers, historians, and cultural scientists as research materials. They apply, as a methodology, the techniques of the «sociology of philosophies» of R. Collins.

Researchers identify the composition of socio-political and spiritual conditions that create a united thematic field of intellectual attention. They believe that regarding socio-political conditions, it can be said that this is a weakening of centralization and control, a devaluation of previous prevailing beliefs, the emergence of relatively independent economically groups. If we talk about spiritual circumstances, then this is the import and development of new attractive ideas, their discussion in resonant or «focal» discussions.

The authors indicate that the discussion platforms at which the community of Russian intellectuals took shape were heterogeneous, namely, underground congresses of half-secret societies, aristocratic salons, editorial boards of magazines, literary societies, and lectures by university professors. It can be said that during the «focal» discussions, the «construction of national identity» took place and it was an emancipation format.

The authors believe that in the 10-20s of the XIX century in the philosophical preferences of Russians there was a reorientation to the philosophical thought of Germany. The Russian intelligentsia has mastered the most advanced technologies of critical and systems thinking. Therefore, it can be argued that by the middle of the XIX century we are seeing a new generation in Russia that has intellectually stood on a par with its European peers.

The authors of the article conclude that the associations of the 20-30s of the XIX century, namely «Obshchestvo lyubomudriya», Stankevich, Herzen and Ogarev circles, become real «incubators» for the next generation of «idealists of the forties». They emphasize that the importance of these associations and the meaning of their consideration lies in the appearance of the first forms of the future great distinction between Slavophiles and Westernizers, which is still relevant today.

Keywords: social and spiritual factors, focal discussions, «German turn», philosophical circles.

1. Введение

Складывание сообществ людей, склонных к философским рефлексиям и имеющих некое общее пространство интеллектуального внимания, в разных странах имеет разные закономерности. Также своеобразно это происходило и в России, что не могло не стать поводом для ожесточенных споров.

Философия более молода по отношению к другим формам сознания, таким как миф, религия, мораль или же искусство, появляясь в виде рефлексии над авторитетными текстами. Также ее появление происходит в контексте серьезных изменений в социально-экономической и политической

* Corresponding author

E-mail addresses: KrasVladIv@gmail.com (V.I. Krasikov)

жизни, которыми детерминированы, в конце концов, духовные практики. Подобные изменения представляют собой необходимый контекст появления сообщества интеллектуалов, чье единство определяемо одним общим фокусом внимания. К ним можно отнести определенную степень плюрализма и терпимости в политической сфере, космополитические настроения и импорт идей, развитие коммерции и кризис традиционных религиозных практик. В России по причинам особенностей культурно-исторического развития такое стало возможным лишь в начале XIX в. Задача статьи: рассмотреть своеобразную представленность этих изменений и условий – в формировании предварительных предпосылок (первых философских кристаллизаций) для появления позднее форматного общероссийского интеллектуального сообщества (западников-славянофилов), задающего повестку дня и по сию пору.

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования мы используем мемуарные свидетельства (К.С. Аксакова, А.И. Герцена, Ап.Г. Григорьева, А.И. Кошелева, В.Ф. Одоевского), задействуем концептуальные наработки философов, историков и культурологов (В.В. Зеньковского, В.О. Ключевского, Ю.М. Лотмана, С.А. Лишаева, С.А. Никольского).

Наш исследовательский подход: постановка проблемы и ракурсы ее рассмотрения определяются использованием элементов методологии, «социологии философий» Р. Коллинза (Коллинз, 2002: 65-103, 1021-1110). Речь идет о следующих идеях. Духовная жизнь пребывает в контексте ее имеющихся социально-материальных организационных основ, нечастые кардинальные изменения последних и ответственны за неспешные, но радикальные подвижки в сфере идей. Сообщество интеллектуалов с серьезными мировоззренческими (философскими) запросами – в рамках некоего национально-культурного целого – возникает лишь в условиях формирования единого пространства интеллектуального внимания: когда вырабатывается волнующая всех повестка дня, имеется сходная содержательная интерпретация ключевых понятий в обсуждаемых темах – при возможных радикальных различиях в подходах к темам. Появление подобного пространства связано как с социально-политическими пертурбациями (главные из которых: ослабление централизации и контроля, девальвация прежних господствующих убеждений, появление независимых в экономическом отношении групп), так и с духовными (импорт и освоение новых привлекательных идей, их обсуждение в резонансных или «фокусных» дискуссиях).

3. Обсуждение

Темы своеобразия менталитета и особенностей национального мышления всегда вызывают оживление и обостренный интерес, тем более такие «атрибуты» культуры, претендующей на величие, как искусство и философия. С первым у России все в порядке, чего не скажешь о втором. Все-таки философия в России как университетская дисциплина появилась лишь после создания первых университетов во второй половине XVIII века и имела затем большие проблемы в течение XIX века из-за обструкционистской позиции власти. В итоге мы имеем почти тысячелетие государственности и отсутствие философской профессиональной традиции. Это превращает, казалось бы, академический вопрос в тему почти идеологическую и объясняет наличие в отечественной мысли трех основных версий генезиса и специфики русской философии.

Назовем первую из них условно «радикально-патриотической». Она была взлелеяна еще в советской философии и является, по сути, также и современным мейнстримом (Н.К. Гаврюшин, А.А. Галактионов, М.Н. Громов, А.Ф. Замалева, М.А. Маслин, А.Д. Сухов, С.С. Хоружий и др.). Выражается она в значительном удревнении русской философии: полагают, что ее начало совпадает с началом государственности, т.е. с IX веком. Главными аргументами являются утверждения об особой форме ее самореализации: ее рассредоточенность во всем корпусе культуры, применение ею широкой гаммы выразительных средств (далеко не только рационально-понятийных) и использование ею самых разных жанров. Философия в России, как они считают, генетически связана с православием (в советское время это были материализм и социально-освободительные движения), являясь, по сути, его теоретической инкарнацией. Поэтому она «софийна», фундирована «гносеологией сердца», возвращена на мистическом богословии и в аскетических традициях.

Другой подход к пониманию специфики отечественной философии можно назвать «умеренно-патриотическим». Его мы обнаруживаем в трудах первых историков русской философии, вышедших за рубежом и ставших доступными отечественному читателю лишь в 1990-х гг.: А.Ф. Лосева («Русская философия», 1919), Н.А. Бердяева («Русская идея», 1946), В.В. Зеньковского («История русской философии», 1950), Н.О. Лосского («История русской философии», 1951).

Философия в России, как они полагают, формируется лишь в начале XIX века – до того была только ее предыстория и она носила случайный характер, быв всего лишь «вкраплением» в общественно-политической жизни. Подобная задержка в интеллектуальном развитии объясняется многовековой изоляцией России от основных путей духовного развития и Запада, и Востока: и вынужденной (двухсотлетнее иго Великой степи), и добровольной (политика самоизоляции московских государей до Петра).

И, наконец, третья позиция относительно русской философии – «западническая», покоящаяся на европейских стандартах философствования. Философия, согласно их взглядам, – это, прежде всего, нерелигиозная, логически-стандартизованная и систематическая рефлексия в понятиях, предполагающая наличие развитой гносеологической проблематики, профессионализм и академические традиции (деятели как старого, начала XX в., «Логоса»: Б.В. Яковенко, С.И. Гессен, Ф.А. Степун и др.; так и нового, конца XX – начала XXI вв., «Логоса»: Е. Барабанов, Б. Гройс, Н. Плотников, М. Рыклин, И. Смирнов, М. Ямпольский, В.К. Кантор и др.). В России философия, по гамбургскому счету, появляется впервые лишь в проекте Вл. Соловьева.

Нас убеждает и позиция, и аргументация второй позиции относительно сроков и характера появления отечественной философии. Здесь мы и предлагаем исследование самого генезиса отечественного сообщества интеллектуалов с единым пространством внимания, выстроенного в ракурсе методологии «социологии философий».

4. Результаты

Ранее в России философствовали понемногу, в рамках профессии. Это были в основном священнослужители, которым вменялись обязанности заботиться о душевном здоровье паствы и поддерживать морально-нравственный порядок, угодный Богу и власть предрежающим. Также к интеллектуалам могли быть отнесены, с небольшими оговорками, крупные чиновники и высшее дворянство, имевшие, как правило, соответствующее образование и воспитание (Живов, 2002). Университетская философия, введенная Петром Великим и его преемниками, длительное время подпитывалась в основном иностранными кадрами.

Рассматриваемое нами время весьма знаменательно – по тем радикальным, правда кратковременным, изменениям, которые имели, однако, далеко идущие последствия. И как это часто бывает в России, это было связано с венценосной личностью. В начале XIX в. сложилась эксклюзивная ситуация.

Первое, и это главное, оригинальная мировоззренческая ситуация, ставшая возможной лишь в условиях абсолютной монархической власти (ограниченной, правда, «царевийством»). Новое поколение высшей российской аристократии во главе с молодым самодержцем оказалось всецело под влиянием модных либеральных идей французского Просвещения, и все остальные должны были играть в эти новые мировоззренческие игры. Как отмечает В.О. Ключевский (Ключевский, 2000: 415, 449), «Даламбер едва не сделался воспитателем наследника русского престола», тогда как швейцарский генерал Фредерик Лагарп, «ходячая и очень говорливая либеральная книжка», стал в итоге вести «научные занятия» с великими князьями Александром и Константином, довольно-таки успешно прививая им руссоистские идеалы. И хотя впоследствии политическая модернизация Александра носила весьма умеренный характер, однако это с лихвой компенсировалось разрешенными разговорами о конституции, а разговоры в России всегда ведут в итоге к подрыву единства элиты.

Подобным образом, в России описываемого времени появилось терпимое, и даже негласно одобряемое высочайшей благосклонностью, разномыслие – благодатнейшая почва для формирования открытого и гибкого мышления будущих руководителей декабризма, в большинстве своем рожденных в 1790-е гг., формирования их готовности к усвоению и генерированию новых идей. Как раз их социализация и прошла именно под аккомпанемент этих прекраснодушных либеральных разговоров о свободе и конституции.

Второе. Конец XVIII – начало XIX вв. было временем больших политических и военных событий в Европе, связанных с наполеоновскими войнами, завершившимися походом русских войск, пребыванием тех же молодых дворян, воодушевленных «французскими идеями», в их же цитадели, в Париже. Так произошло, совсем по К. Марксу (4 тезис о Фейербахе), «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности» и породило «революционную практику» декабристов, «разбудивших Герцена» и все последующие эмансипационные порывы, завершившиеся красным октябрем.

В качестве третьего условия выступило разномыслие – уже не столько политико-мировоззренческое, сколько вообще неслыханное ранее в России, религиозное. Игнорируя прежнюю практику покровительства православной церкви, молодой самодержец во главе своей приближенной компании всю экспериментировал с протестантскими идеями, мистикой масонов (Зеньковский, 1991: 122-127). Большая часть официальной церкви за редким исключением либо подобострастно молчала, либо даже поддакивала царю.

Четвертое. Разрешение, в рамках относительного свободомыслия, издательского предпринимательства. Это стало новым, относительно самостоятельным, экономическим источником существования для формирующегося сообщества интеллектуалов двух столиц (прежде всего недворянской его части). Причем рано обнаружилась тесная связь между скандалом, оппозицией и славой, а значит и вниманием, которым стали щедро платить читатели и подписчики. Это не только щекотало нервы, но и приносило прибыль, причем гарантированную.

Как следствие, возникает новая самостоятельная организационная основа будущего общего поля интеллектуального внимания двух столиц: политические, литературные, издательские сообщества, группы с нетрадиционной религиозностью, кружки по интересам и т.п. Появились одни общие темы и интересы, признаваемые большинством теории и идеи, стандарты аргументации и критерии истины. Понятно, что это новое альтернативное пространство внимания объединяло именно схожих по возрасту, происхождению, воспитанию и образованию людей. Наряду оставался и другой «мир идей и мнений», традиционного склада, теряющий влияние и ненавидящий выскочек. И именно в этом новом пространстве интеллектуального внимания чуть позже и возникнет «завязь» архетипов последующих мировоззренческих и метафизических коллизий (славянофилов и западников).

Интеллектуалы в России с самого начала своего появления несли на себе явственную «общественно-политическую печать», недаром лишь у нас появился впоследствии термин «интеллигенция». Первыми интеллектуалами или интеллигентами стали лучшие представители высшего дворянского сословия, первыми преодолевшими трудный путь самопознания и ответственности культурной самоидентификации (Никольский, 2008). Юноши-романтики, оставившие свою изначальную восторженность свободолюбия на полях сражений Отечественной войны и европейских походов, постепенно становятся «политическими мудрецами», взвалившими на свои плечи бремя ответственности за будущее страны (Лотман, 1994).

Они создают свою прессу и руководящие организационные структуры, закамуфлированные под литературные объединения («Вольное общество любителей российской словесности» и «Зеленая лампа»). Их рупором были журналы «Невский зритель», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын отечества», альманахи «Мнемозина» и «Полярная звезда».

В условиях тотального запрета на политические высказывания и обсуждения мировоззренческие интересы и политические идеалы определялись языком иносказания и через борьбу литературных и философских форм. Фокусами литературной борьбы становились оживленные дискуссии, привлекавшие к себе пристальное внимание широкой публики, в которых вырабатывались и определялись потенциальные идеологические позиции.

Подобные дискуссии волновали тот круг людей, которые и определяли в итоге престижное общественное мнение, уже не «мнение света» либо же официоз, а то, к которому прислушивались и не игнорировали даже те, кто совершенно мог его не разделять. Главные участники этих дискуссий становились «героями», «привилегированными спорщиками» или же властителями дум поколения, эпохи или же декады. Они формировали и самих «властителей дум», их позиции и репутации. Они не имели какого-то одного формата, разной была и их «резонансность».

Так, дискуссия между «шишковистами» и «карамзинистами», протекавшая еще в первом десятилетии XIX в., была скорее лингвистической, хотя и из разряда вечно актуальных, по поводу соотношения живого разговорного языка, старых стилей выражений и иностранных заимствований. В отличие от своих предшественников, еще живших скорее светско-салонными интересами и частно-партикулярными «подводными течениями», новое беспрецедентное мировоззренческое объединение определило новый уровень интересов и обобщений: пути развития России и ее общественная будущность. Появились национально озабоченные интеллектуалы, по сути начавшие «конструировать» язык, литературу, искусство и новых людей.

В 1810–1820 гг. таковыми новыми дискуссиями были полемика вокруг творчества В.А. Жуковского по поводу романтизма, мистицизма, «русскости» или «народности»; и полемика вокруг «Горе от ума» А.С. Грибоедова – степени ее оригинальности (в сравнении с Мольером) и типичности ее героев, особенно Чацкого (Кулешов, 1972).

Смыслами этих дискуссий, как бы мы сказали сегодня, было «конструирование национальной идентичности», и идентичность эта имела явно выраженный эмансипационный формат. Эти дискуссии создали общезначимое тематическое поле для последующего, в 30–40 гг. XIX в., объединения интеллектуального внимания и формирования национально озабоченных литературы и философии, с ориентацией более не на западные стандарты, а на самобытное развитие.

И именно на этих, казалось бы, сугубо «литературоцентричных», страницах отмеченных изданий органично смотрелись и философские переводы В.Ф. Одоевского (отрывок из «Словаря истории философии», «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия»), и естественнонаучные штудии проф. М.Г. Павлова (статья «О способах исследования природы») (История русской журналистики..., 1973).

Как раз «Мнемозина» и стала своего рода звеном, связавшим «отцов политического радикализма», «политических мудрецов», с университетскими интеллектуалами того времени (М.Г. Павлов и др.) и с кружками молодежи новой генерации, объединявшимися вокруг продвинутой профессуры.

В это же время в университетской среде мы можем наблюдать подобные же решительные изменения, имевшие важные долговременные следствия, уже в отношении сугубо философских интересов. Будущий общий категориальный строй, единая понятийная сетка мировосприятия, сделавшая возможным общность пространства интеллектуального внимания и западников, и славянофилов, сложились в результате принятия новых кумиров – классической немецкой

философии. Мы имеем задокументированное выражение перехода на позиции последней, принадлежащее молодому В.Ф. Одоевскому: «...До сих пор философа не могут представить себе иначе, как в образе французского говоруна XVIII века; много ли таких, которые могли бы измерить, сколько велико расстояние между истинною, небесною философиею – и философиею Вольтеров и Гельвециев?» (Песков, 1994: 94).

Обворожительная красавица, классическая немецкая философия, явилась первоначально в университетских аудиториях, позже, однако, и в светских салонах (увлечение Гегелем молодых Герцена, Бакунина, Белинского и др.).

Все же главные события происходили в университетах и в головах преподавателей (Бабаев, 1996). Вначале нужно было научить учителей, дабы потом изменились и ученики.

Ассорти из немецкой классики было предложено иностранными профессорами, решительно отличавшимися от первых немцев, обучавших наших недорослей во второй половине XVIII века. Те были ловцами денег и чинов, второстепенными местечковыми профессорами, эти же – неординарными людьми, страстными миссионерами нового мышления: И.Ф. Буле, П.Д. Лодий и И.Б. Шад. Они и сформировали умы своих талантливых учеников, будущих университетских преподавателей И.И. Давыдова, А.И. Галича, М.Г. Павлова и Д.М. Велланского, у которых учились затем ведущие западники и славянофилы (Панибратцев, 1999).

Главное все же сделали их ученики. Они сформировали мышление своих студентов по новейшим мыслительным методикам того времени, подготовив будущих «отцов-основателей» отечественной философской традиции. Меж тем они сами были лишь немногим старше своих учеников. Им было по 20–30 лет (кроме Д.М. Велланского), ярким, креативным личностям, оставившим после себя довольно приличное печатное наследие (Куценко, 2008).

Они создали поколение, стоявшее вровень со своими европейскими сверстниками, прививая умам своих великих учеников самую передовую на то время технологию критически-рефлексивного и системного мышления. Случилось это благодаря не только их педагогическим достоинствам, но и тем, что они полно усвоили формат шеллингианского мышления и передали его своим ученикам: широту, панорамность видения мира в сочетании с целостностью и органичностью его трактовки. И все это было сопряжено с эвристическим энтузиазмом и верой в безграничность и действенность новых путей познания вселенной.

Инициация приобщения к шеллингианству имела следующий вид: будущих славянофилов (С.П. Шевырева, М.П. Погодина, И.В. Киреевского и некоторые другие) готовил Д.М. Велланский. Западников (Н.В. Станкевича, А.И. Герцена, Т.Н. Грановского, В.Г. Белинского) сформировал М.Г. Павлов, а за литераторов А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера отвечали В.Л. Давыдов и А.И. Галич (Лишаев, 2004).

Эти кружки молодых людей под наставничеством столь же молодой профессуры и подготовили легендарное поколение «идеалистов сороковых годов». Во главе их стали те «русские мальчики», романтики и «практические метафизики» (Н.В. Станкевич, Д.В. Веневитинов, А.И. Герцен и мн. др.), которыми всегда славилась Россия и которые затем всерьез на нее повлияли. Молодыми они зачастую и умирали (Н.В. Станкевич – 27, Д.В. Веневитинов – 22, Н.А. Добролюбов – 25, Д.И. Писарев – 28 и В.Г. Белинский – 37). Они очень напоминают сократиков, учивших совпадению учения и жизни, «чему учим, так и живем», отсюда: труд на грани самоистязания; игнорирование быта, комфорта и забот о здоровье; гамбургские счета себе и другим; целеустремленность и высочайшая самоорганизация. Их реальность подтверждена литературой, образами Базарова, Рахметова и др. – чем не философы нового жизненного стиля? (Григорьев, 1988).

Как могли появиться философские группы вне университетских стен? Правильно, если только уже имелись полузапрещенные или же запрещенные философы, которыми и были представители «небесной философии»: И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг и Л. Окен. Именно для чтения и разбора этих авторов и стала собираться в доме В.Ф. Одоевского молодежь в возрасте от 17 до 30, ставшая основой первого в России философского объединения «Общество любомудрия» (1823–1825).

Здесь мы могли бы встретить весьма известных впоследствии, тогда же еще совсем юных А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, А.И. Кошелева и мн. др. Председателем объединения был князь В.Ф. Одоевский, секретарем – Д.В. Веневитинов (Одоевский, 1975: 187). Все ведущие в будущем славянофилы входили в эту первую философскую структуризацию. Их отличали общая склонность к шеллингианству, явно выраженный тотализм мышления и органицистский настрой.

По-видимому, впервые именно в кружке любомудров родилась и получила первые воплощения мысль о необходимости конструирования самобытной русской идентичности и своей особой философии, в отличие от европейской. Д.В. Веневитинова считали бесспорным лидером кружка, и с его трагической смертью объединение прекратило свое существование (Русское общество..., 1991).

Такая же философская «кристаллизация», но более поздняя и долговременная (1831–1839), происходила в группе, лидером которой стал Н.В. Станкевич. Правда, его состав не имел столь монохромный, как у любомудров, идеологический состав (Зеньковский, 1991).

Вначале кружок был также шеллингианским, однако в нем разбирали и учения предшественников Ф.В. Шеллинга – И. Канта и И. Фихте. В кружке внимательно следили за всеми извивами развития немецкой философии, с 1835 г. их мыслями овладел Г.В.Ф. Гегель. Метафизика их была и впрямь «практической», т.к. они всерьез полагали взаимосплетенность «абсолюта» и повседневности. Метафизические и этические категории были не только универсальны, но и всепроницаемы, личные переживания и любовные драмы рассматривались только через их призму. Часами велись яростные споры о последних тайнах бытия. Ни вина, ни пирушек, столь органичных для студенчества, по воспоминаниям К.С. Аксакова, здесь не было, однако «на вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба» (Аксаков, 1911; 19, 28).

Был еще один кружок, состоявший в основном из студентов, и более политический (Герцен в воспоминаниях, 1956). Четких идей не было, обсуждали модные радикальные политические идеи о революции и конституции, читали запрещенные книги и ненавидели произвол и насилие (Герцен, 2007).

Даже сам А.И. Герцен относился к этому как скорее к романтико-подростковым приключениям. Лишь после серьезного знакомства с немецкими философами, уже Г. Гегелем и Л. Фейербахом, после дискуссии по их поводу с В.Г. Белинским он смог включиться в процесс самоорганизации интеллектуального сообщества, сумел стать лидером формирующейся «западной партии»: «между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский был нашим с самого приезда из Германии» (Гершензон, 2001: 181).

5. Заключение

Итак, можно резюмировать, что временный императорский либерализм (Александра I) привел к радикальным, далеко идущим последствиям: расширению мировоззренческого кругозора нового поколения дворянской молодежи и дворянскому революционизму, невиданному ранее религиозному свободомыслию, появлению относительно самостоятельного экономического источника существования для интеллектуалов в виде издательского рынка книг, журналов и газет. Как следствие возникает новая самостоятельная социально-организационная основа будущего интеллектуального сообщества – сеть тайных обществ, нетрадиционных религиозных образований и издательской инфраструктуры. Она сформировала своего рода первое гражданское негосударственное публичное пространство интеллектуального внимания (между «своими», «посвященными»). Формирующееся сообщество российских интеллектуалов складывалось в ходе непрерывного полемического общения в разнообразнейших своих точках: и в светских салонах, и на собраниях «вольных» литературных обществ, и в редакциях журналов, и на подпольных «съездах» полутайных обществ, и на лекциях университетской профессуры. В ходе первых «фокусных» дискуссий происходило, как бы мы сказали сегодня, «конструирование национальной идентичности», и она была эмансипационного формата.

Другое важнейшее событие – радикальная смена векторов философских интересов, увлечение «чистой небесной философией», бывшей в то время самой продвинутой мыслительной стратегией освоения и преобразования мира. В предпочтениях российских интеллектуалов произошел «немецкий поворот» и случился он на университетской почве: вначале усилиями энтузиастов профессоров-миссионеров из Германии. Затем молодые русские профессора философии обучили новым мыслительным методикам своих учеников, которые впоследствии и создали основы отечественной философии и идеологии.

Кружки 1820–1830 гг. («Общество любомудрия», кружки Станкевича, Герцена и Огарева) подготовили лидеров и главных спикеров судьбоносного для последующей истории России идеологического размежевания 1840-х гг. Значение этих кружков – формирование первых контуров последовавшей затем великой структуризации на славянофилов и западников, действенной и по наше время.

Литература

- Аксаков, 1911 – Аксаков К.С. Воспоминание студенства. 1832–1835. СПб., 1911. 43 с.
 Бабаев, 1996 – Бабаев Ю.В. Трудный путь философских исканий. К особенностям философского процесса в России в 20–40 гг. XIX в. Пенза. 1996. 159 с.
 Герцен в воспоминаниях, 1956 – Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. 447 с.
 Герцен, 2007 – Герцен А.И. Былое и думы. М., 2007. 635 с.
 Гершензон, 2001 – Гершензон М. Николай I и его эпоха. М., 2001. 228 с.
 Григорьев, 1988 – Григорьев А.Г. Воспоминания. М., 1988. 473 с.
 Живов, 2002 – Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 685–704.
 Зеньковский и др., 1991 – Зеньковский В.В., Кавелин К.Д., Лавров П.Л., Михайловский Н.К. // История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 151–184.

- Зеньковский, 1991** – *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. 221 с.
История русской журналистики..., 1973 – История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1973. 518 с.
Ключевский, 2000 – *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В трех книгах. Кн. 3. Ростов-на-Дону, 2000. 606 с.
Коллинз, 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск. 2002. 1280 с.
Кулешов, 1972 – *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII–XIX веков. М., 1972. 526 с.
Куценко, 2008 – *Куценко Н.А.* Формирование профессиональной философской среды в Российской империи в первой половине XIX века // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6. Сер. «Гуманитарные науки».* Калининград, 2008. С. 41–51.
Лишаев, 2004 – *Лишаев С.А.* История русской философии. Ч. I: С древнейших времен до середины XIX века. Самара. 2004. С. 151–214.
Лотман, 1994 – *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. 484 с.
Никольский, 2008 – *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных текстах XVIII – первой половины XIX столетий. М., 2008. 416 с.
Одоевский, 1975 – *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. 319 с.
Панибратцев, 1999 – *Панибратцев А.В.* Взлет и падение И.Б. Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе // *История философии.* М., 1999. № 4. С. 106–124.
Песков, 1994 – *Песков А.М.* У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // *Вопросы философии.* 1994. № 5. С. 89–100.
Русское общество..., 1991 – Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. 237 с.

References

- Aksakov, 1911** – *Aksakov, K.S.* (1990). Vospominanie studentstva. 1832–1835 [Student memories. 1832–1835]. St. Petersburg. 43 p. [in Russian]
Babaev, 1996 – *Babaev, Yu.V.* (1996). Trudnyj put' filosofskih iskanij. K osobennostyam filosofskogo processa v Rossii v 20–40 gg. XIX v. [The hard way of philosophical quest. To the peculiarities of the philosophical process in Russia in 20–40 XIX century]. Penza. 159 p. [in Russian]
Gercen v vospominaniyah, 1956 – *Gercen v vospominaniyah sovremennikov* [Herzen in memoirs of contemporaries]. (1956). Moscow. 447 p. [in Russian]
Gercen, 2007 – *Gercen, A.I.* (2007). Byloe i dumy [Past and thoughts]. Moscow. 635 p. [in Russian]
Gershenson, 2001 – *Gershenson, M.* (2001). Nikolaj I i ego epoha [Nicholas I and his era]. Moscow. 228 p. [in Russian]
Grigor'ev, 1988 – *Grigor'ev, Ap.G.* (1988). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 473 p. [in Russian]
Istoriya russkoj zhurnalistiki..., 1973 – *Istoriya russkoj zhurnalistiki XVIII–XIX vv.* (1973) [The history of Russian journalism of the XVIII–XIX centuries]. Moscow. 518 p. [in Russian]
Klyuchevskij, 2000 – *Klyuchevskij, V.O.* (2000). Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. V trekh knigah. Kn. 3. [Russian history. Full course of lectures. In three books. Book 3]. Rostov-on-Don. 606 p. [in Russian]
Kollinz, 2002 – *Kollinz, R.* (2002). Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [Sociology of Philosophy. Global theory of intellectual change]. Novosibirsk. 1280 p. [in Russian]
Kucenko, 2008 – *Kucenko, N.A.* (2008). Formirovanie professional'noj filosofskoj sredy v Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka [The formation of a professional philosophical environment in the Russian Empire in the first half of the XIX century]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta.* Вып. 6. Сер. Гуманитар. науки. Калининград. Pp. 41–51. [in Russian]
Kuleshov, 1972 – *Kuleshov, V.I.* (1972). Istoriya russkoj kritiki XVIII–XIX vekov [History of Russian criticism of the 18th – 19th centuries]. Moscow. 526 p. [in Russian]
Lishaev, 2004 – *Lishaev, S.A.* (2004). Istoriya russkoj filosofii. Ch. I: S drevnejshih времен do serediny XIX veka. [History of Russian philosophy. Part I: From Ancient Times to the middle of the XIX century]. Samara. Pp. 151–214. [in Russian]
Lotman, 1994 – *Lotman, Yu. M.* (1994). Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century)]. St. Petersburg. 484 p. [in Russian]
Nikol'skij, 2008 – *Nikol'skij, S.A., Filimonov, V.P.* (2008). Russkoe mirovozzrenie. Smysly i cennosti rossijskoj zhizni v filosofskih i literaturnyh tekstah XVIII – pervoj poloviny stoletij XIX [Russian worldview. The meanings and values of Russian life in the philosophical and literary texts of the eighteenth and first half of the nineteenth centuries]. Moscow. 416 p. [in Russian]
Odoevskij, 1975 – *Odoevskij, V.F.* (1975). Russkie nochi [Russian nights]. L. 319 p. [in Russian]

[Panibratcev, 1999](#) – *Panibratcev, A.V.* (1999). Vzlet i padenie I.B. Shada, ili o prevratnostyah sud'by odnogo nemeckogo fihteanca na russkoj sluzhbe [The rise and fall of I.B. Shad, or about the vicissitudes of the fate of a German Fichtean in Russian service]. *Istoriya filosofii*. Moscow. Pp. 106-124. [in Russian]

[Peskov, 1994](#) – *Peskov, A.M.* (1994). U istokov russkogo filosofstvovaniya: shellingianskie tainstva lyubomudrov [At the origins of Russian philosophizing: the Schelling mysteries of lyubomudrov]. *Voprosy filosofii*. 5: 89-100. [in Russian]

[Russkoe obshchestvo..., 1991](#) – Russkoe obshchestvo 40–50-h godov XIX v. Ch. I. Zapiski A.I. Kosheleva (1991). [Russian society of the 40-50s of the XIX century Part I. Notes by A. I. Koshelev]. Moscow. 237 p. [in Russian]

[Zen'kovskij, 1991](#) – *Zen'kovskij, V.V.* (1991). Istoriya russkoj filosofii [History of russian philosophy]. t.1, ch.1. L., 221 p. [in Russian]

[Zen'kovskij i dr., 1991](#) – *Zen'kovskij, V.V., Kavelin, K.D., Lavrov, P.L., Mihajlovskij, N.K.* (1991). Istoriya russkoj filosofii. t. 1, ch. 2. L. Pp. 151-184. [in Russian]

[Zhivov, 2002](#) – *Zhivov, V.M.* (2002). Marginal'naya kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligencii [Marginal culture in Russia and the birth of the intelligentsia]. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury*. Moscow. Pp. 685-704. [in Russian]

Эпоха Александра I: первые философские кристаллизации – факторы складывания сообщества отечественных интеллектуалов

Владимир Иванович Красиков ^{a, *}, Дмитрий Анатольевич Григорьев ^a, Александр Дмитриевич Спириин ^a, Владимир Геннадьевич Чернякин ^a

^a Всероссийский государственный университет юстиции, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и формы складывания интеллектуального сообщества людей, склонных к философским рефлексиям и имеющих некое общее пространство интеллектуального внимания, в России начала XIX в.

В качестве материалов исследования использованы мемуарные свидетельства, задействованы концептуальные наработки философов, историков и культурологов. В работе применены элементы методологии «социологии философий» Р. Коллинза.

Появление общего пространства интеллектуального внимания было связано как с социально-политическими пертурбациями (главные из которых: ослабление централизации и контроля, девальвация прежних господствующих убеждений, появление относительно независимых в экономическом отношении групп), так и с духовными (импорт и освоение новых привлекательных идей, их обсуждение в резонансных или «фокусных» дискуссиях).

Формирующееся сообщество российских интеллектуалов складывалось в ходе непрерывного полемического общения в разнообразнейших своих точках: и в светских салонах, и на собраниях «вольных» литературных обществ, и в редакциях журналов, и на подпольных «съездах» полугайных обществ, и на лекциях университетской профессуры. В ходе первых «фокусных» дискуссий происходило, как бы мы сказали сегодня, «конструирование национальной идентичности», и она была эмансипационного формата.

На университетской почве произошел «немецкий поворот» в предпочтениях российских интеллектуалов, они глубоко прониклись новыми идеями и чувствованиями, стали мыслить в формате диалектики и тотального органицизма.

Кружки 20–30 гг. («Общество любомудрия», кружки Станкевича, Герцена и Огарева) сформировали великую генерацию «идеалистов сороковых годов». Именно они фундировали последовавшую затем великую структуризацию на славянофилов и западников, являющуюся значимой и по сей день.

Ключевые слова: социальные и духовные факторы, фокусные дискуссии, «немецкий поворот», философские кружки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: KrasVladIv@gmail.com (В.И. Красиков)